

И. Эренбургъ

Я Ж И В У

СТИХИ

REPRINTED BY
JACOB TVERSKY
P.O.B. 4356, TEL AVIV 61043, ISRAEL

И. Эренбургъ

Я Ж И В У

СТИХИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МСМХІ

СТИХИ

Въ глухую ночь ты распятъ былъ
На черномъ дровѣ кипариса.
Но отвернувшись я вкусилъ
Вино густое Діониса.

Я былъ печалень и суровъ,
Войдя въ оливковыя рощи,
Но у языческихъ боговъ
Мнѣ стало радостнѣй и проще.

И Аполлоновымъ жрецамъ
Нѣтъ выше счастья и услады,
Чѣмъ славословія богамъ
Опять проснувшейся Эллады.

О тихомъ Отрокѣ скорбя,
Пришелецъ изъ иного стана,
Я возлагаю на себя
Златыя лозы Юліана.

Барельефы.

1. Афродита.

Въ лачугѣ рыбака, подъ сводами паллацо,
Ты раздуваешь огонь, который только тлѣлъ,
И заставляешь ты безстыдно изгибаться
На брачномъ ложѣ груди обнаженныхъ тѣлъ.

Невинныхъ дѣвушекъ отъ крова отрывая,
Заставивъ ихъ презрѣть запреты и молву,
Ты въ истомленный полдень золотого мая
Кидаешь въ первый разъ на знойную траву.

Но заставляешь также ты въ знакомой дрожи,
Забывъ о старости, о сѣдинахъ своихъ,
Стонать отъ похоти на многолѣтнемъ ложѣ
Почти истлѣвшихъ старцевъ дряхлыхъ и больныхъ.

Къ тебѣ идутъ созрѣвъ и дѣвы молодая,
И робкій отрокъ, и пресыщенный мудрецъ.
Любимцамъ Аполлона ты сама впервые
Вручаешь лиру и даешь стальной рѣзецъ.

Ты небо и земля, ты вѣчная Киприда,
Ты легкое вино и ты послѣдній судъ,
И смертные, вступая въ области Аида,
Къ тебѣ взываютъ, молятъ и тебя клянуть.

2. Пресь.

Люди чтуть тебя покорно.
Равнодушенъ и жестокъ,
Въ поединкахъ необорный,
Храбрый воинъ и стрѣлокъ.

Отрывая ихъ отъ плуга
Для раздора и вражды,
Ты кидаешь другъ на друга
Двѣ враждебныя орды,

Чтобъ надъ нивами пожаромъ
Шла веселая война,
Чтобъ подъ вражескимъ ударомъ
Разрывались знамена

Иль на митингахъ ты гнѣвно
Предъ рабами держишь рѣчь,
Ихъ отъ жизни повседневной
Ты стараешься отвлечь.

Люди чтутъ тебя покорно.
Равнодушень и жестокъ,
Въ поединкахъ необорный,
Храбрый воинъ и стрѣлокъ.

3. Деметра.

Ты щедрыхъ нивъ глубокия утробы
Желѣзнымъ плугомъ поспѣваешь взрыть,
И ты приносишь снѣжные сугробы,
Чтобъ ихъ отъ зимнихъ холодовъ хранить.

Но только наступаетъ часъ урочный,
Мятели остаются позади,
Ты рыхлой землю дѣлаешь и сочной,
Ей посылая частые дожди.

Отъ зноя нивамъ ты приносишь тучи,
Отъ сырости ихъ солнцемъ бережешь,
И съ каждымъ часомъ выше и могучѣй
Вздымается взлелѣянная рожь.

А осенью ты въ пурпуръ облачаясь
Вонзаешь въ злаки острые серпы
И возлѣ сель спокойно улыбаясь
Возносишь непосильные цѣпы.

Вновь сѣмена осенняго посѣва
Ты застилаешь снѣжной пеленой.
Такъ женщина скрываетъ чрево,
Отягощенное судьбой.

4. Аполлонъ.

Отъ Эврипида и Эшила
Тебѣ земля обречена.
Какая истинная сила,
Какая мощь тебѣ дана.

И на кого младыя Музы
Наложать твой случайный знакъ,
Тотъ Эроса не влюбить узы
И не сойдетъ въ Аида мракъ.

Поэту радостнѣй и слаще,
Чѣмъ дѣвушекъ призывный смѣхъ,
Чѣмъ крикъ дриадъ въ вечерней чащѣ,
Чѣмъ смѣны жизненныхъ утѣхъ,

Звучнѣй чѣмъ вешніе зефиры,
Яснѣй чѣмъ неба синева,
Съ трудомъ добытыя изъ лиры
Неотразимыя слова.

Діонись.

Солнце, рассыпая пурпуръ и янтарь,
Золотило вѣтви кипариса.
Сквозь деревья виденъ былъ простой алтарь
Греческаго бога Діониса.
Юноша подругу страстно призывалъ,
И его напѣвамъ томно вторя,
Подъ кустомъ зеленымъ межъ прибрежныхъ скалъ,
Козлоногій Панъ игралъ у моря.
Возлагая благовонные вѣнцы
Изъ багровыхъ маковъ и гвоздики,
Въ изступленной пляскѣ дѣвы и жрецы
Сбрасывали пышныя туники.
Долго золотистооалаго вина
Проливались жертвенныя струи,
Только какъ съ волной сливается волна.
Такъ въ одно сливались поцѣлуи.
А когда Аврора тихо подошла,
Бросивъ лучъ на вѣтви кипариса,
Въ парахъ розовѣли стройныя тѣла

У .подножья бога Діониса.

Міръ давно не молится богамъ,
Но подъ черной тѣнью кипариса
Въ пѣнѣ моря виденъ древній храмъ
Греческаго бога Діониса.
Только люди на тѣла свои
Траурныя кинули одежды
И при видѣ страсти и любви
Молчаливо опускаютъ вѣжды.
Только дѣвы больше никогда
Не зовутъ мужей въ священной пляскѣ,
И полны тяжелаго стыда
Ихъ насильно вызванныя ласки.
Подъ унылымъ шумъ осеннихъ волнъ
Навсегда замолкла флейта Пана.
Пусто все и одинокій челнъ
Робко выплываетъ изъ тумана.

Панъ.

Всю ночь меня томили дымъ, заводы,
Слѣпое небо, душная весна,
И черно угрожающіе своды.

Но только просвѣтлѣла пелена,
И тучи на востокъ порыжѣли,
Я выглянулъ изъ узкаго окна.

Какъ будто звуки флейты и свирѣли,
Напоминая шелестящій лѣсъ,
Мнѣ чьи то музы неустанно пѣли:

„Ты знаешь этой ночью Панъ воскресъ.
Гляди какъ звонкій воздухъ серебрится,
Какъ ярки клочья раненныхъ небесъ.

Онъ въ наши окна какъ въ ручки глядится,
И такъ влекутъ въ непроходимый лѣсъ
Его звѣрино стройныя копытца.

Ты знаешь этой ночью Панъ воскресъ“.

Флорентійскіе терцины.

1.

Я подошелъ къ вершинамъ Миниато,
Когда дремали горы и поля,
Въ минуты острья его заката.

Долины, отдыхъ сладостный суля,
Задумались и вспоминали Бога.
Надъ ними горевали тополя.

Среди полей широкая дорога
И пара розовѣющихъ воловъ,
Все было просто, искренно и строго.

Донесся дальній гулъ колоколовъ,
И гдѣ то птицы замирая пѣли
А городъ былъ какъ кружево дворцовъ

И можетъ какъ Венера Боттичелли.

2.

Какъ ясенъ день у золотого Арно,
Когда весною яблони цвѣтутъ
И небо голубое лучезарно.

Какъ нѣженъ листьевъ раннихъ изумрудъ,
Онъ на апрѣльскомъ солнцѣ золотится.
Какъ травы дико и легко растутъ.

Вотъ пролетѣла надъ кустами птица,
Она какъ все понятна и нужна,
Я вижу какъ она въ лазури мчится

Душа моя сурова и нѣжна,
Ей далеки тревога и сомнѣнья.
Я чувствую что жизнь моя полна.

Такъ снился мѣръ героямъ Возрожденья.

Времена года.

1. Весна.

Въ апрѣльскій день у сломанной калитки,
Поросшей мохомъ и густымъ плющемъ,
Срываль онъ золотыя маргаритки.

И дѣвушка въ неясно голубомъ
Къ нему легко и просто приходила.
И шли они задумчиво вдвоемъ.

Она ему о чемъ то говорила,
О чемъ нельзя другому рассказать,
И приближаясь словно отходила.

Раскинулась полей весеннихъ гладь,
Цвѣли фіалки, стройные тюльпаны.
Она давала руки цѣловать.

Сквозь пальцы тонкіе и небо, и каштаны
Казались лучезарнѣй и свѣтлѣй.
Слова ея свивались какъ туманы,

Какъ будто листьѣ горькихъ тополей.

2. Лѣто.

Быль лѣтній полдень необъятно тихъ,
И пчелы лишь надъ клумбою жужжали,
Сбирая медъ съ левкоевъ золотыхъ.

А женщина безъ горя, безъ печали
Сидѣла въ влажной и густой тѣни,
И вѣтки липъ ей шею щекотали.

Предъ ней мелькали солнечные дни,
Она кормила милаго ребенка
И говорила ласково „прильни“.

И шурила глаза задумчиво и тонко
Отъ яркихъ и безжалостныхъ лучей.
Надъ паркомъ птица прокричала звонко.

А солнце становилось горячѣй.

3. Осень.

Когда приходят тихій августъ и прохлада,
Когда струится въ небѣ ясно голубомъ
Осенній запахъ грушъ и зрѣющаго сада,

Я ухожу въ поля. Какъ празднично кругомъ,
Какъ много пурпура и золота и меда,
Какъ сильно пахнетъ свѣже выжатымъ виномъ.

Послѣдній легкій трудъ законченнаго года:
Крестьяне съ шумомъ собираются свозить
Большія тыквы и плоды изъ огорода.

Кричатъ... Какъ хорошо, какъ непонятно жить!
Я больше ни о чемъ на свѣтѣ не тоскую.
Мнѣ хочется въ поляхъ лишь до ночи бродить

И землю цѣловать изрытую, большую.

4. Зима.

По вечерамъ чуть тлѣющій каминъ,
И взглядъ любимый, близкій и понятный,
И книга, и какой-то странный сплинъ.

По вечерамъ такъ сладко, такъ пріятно
Грустить о солнцѣ, лѣтѣ и о томъ,
Что вмѣстѣ съ ними такъ же невозвратно.

Грустить о небѣ слишкомъ голубомъ,
О поцѣлуѣ легкомъ и далекомъ,
О паркѣ опустѣвшемъ и родномъ.

Но вмѣстѣ съ горькимъ и смѣшнымъ упрекомъ
Душа зимою вечеромъ пьяна
Въ снѣгу нависшемъ, тяжкомъ и глубокомъ

Ей снится необъятная весна.

На травы сохляя свой первый отблескъ кинувъ,
Изъ лѣса дымнаго на насъ ползеть гроза.
Ты прилегла, въ истомѣ руки запрокинувъ,
Большимъ листомъ укрыла влажные глаза.

Не слышно птицъ, все приуныло, присмирѣло,
Твоя рука ромашки золотыя мнетъ.
Ты сбросила одежды, я цѣлую тѣло,
И груди смуглыя, и бедра, и животъ.

Ты такъ больна любовью, знойна и красива,
Къ тебѣ ползеть по шеѣ изумрудный жукъ,
Ты отбиваешься призывно и лѣниво
И падаешь со мной на раскаленный лугъ.

Весенній дождь прозрачный, крупный точно росы;
Подъ нимъ трава примятая встаетъ легко.
Ты быстро подобрала обрызганныя косы,
Бѣжишь домой и пьешь густое молоко.

Когда о смерти мысляю я угрюмый
Душѣ моей становится свѣтло,
И странно успокоенныя думы
Мнѣ озаряють грустное чело.

Придетъ ли смерть ко мнѣ средь карнавала,
Склонивъ неуголенную главу,
Иль можетъ самъ пресыщенно усталый
Къ себѣ я вѣчный отдыхъ призову.

Но сладко думать, что окоченѣлый
Отъ города и отъ людей вдали
Почувствую изрыхленное тѣло
Нагрѣтой солнцемъ и родной земли.

Въ сосновый гробъ заботливо уложень,
Сольюсь я тихо съ матерью землей.
И ближній лугъ останкомъ унавожень
Покроется весеннею травой.

Россіи.

Какъ часто подъ вечеръ тяжелый
Душѣ становится свѣтлѣй,
Едва она припомнить села
Твоихъ нерадостныхъ полей.

Иль видитъ въ маленькой харчевнѣ
Рабочихъ спорящихъ гурьбой,
Недавно взятыхъ изъ деревни
И пахнувшихъ еще землей.

Тогда чужбина мнѣ постыла.
Хочу я плакать надъ тобой
И надъ твоей красой унылой,
И надъ безвыходной судьбой.

Какъ хорошо, когда нисходитъ плавно
На улицы ночная полумгла,
Увидѣть церкви русской, православной,
Зарей блистающіе, купола.

Надъ садикомъ медово серебристомъ
Струится горькій ладанъ въ небеса,
И въ воздухъ особенно душистомъ
Далеко замирають голоса.

А ребяташки изъ сосѣдней школы
Играють, книги побросавъ свои;
Отъ ихъ возни безпечной и веселой
Подъ купола взлетаютъ воробьи.

Благодарю

Гляжу на блѣдныя усталыя озера,
На пары грустныя послѣднихъ лебедей.
И въ сердцѣ больше нѣтъ ни боли, ни позора,
Ни одинокихъ думъ, ни горя, ни страстей.
Я не могу отвести молитвеннаго взора
Отъ чуть бѣлѣющихъ, разбросанныхъ полей.
Закатъ надъ озеромъ становится блѣднѣй
И кажется что скоро, слишкомъ скоро
Поблекнетъ онъ надъ матовой водой.
Зажжется небо бархатной звѣздой,
И озеро слегка засеребрится,
Баюкая поникшую траву.
Мнѣ хочется и плакать и молиться.
Благодарю, за то что я живу.

Сердцу.

Бѣлымъ снѣгомъ усталая нива
Спитъ въ землѣ, лелѣя сѣмена.
И надъ ней тиха и молчалива
Голубѣетъ зимняя луна.

Все кругомъ въ незыблемомъ покоѣ
Славить жизнь, и только ты одно,
Жадное, завистливо тупое
Въ жалобы свои погружено.

На кладбищѣ.

Я былъ на кладбищѣ. Печальные кресты,
Вѣнки промокшіе подъ вѣчными дождями,
И прошлогодніе осенніе листы.

Они шуршали подъ унылыми шагами.
Туманный день о близкой смерти говорилъ
Своими тусклыми сплошными небесами.

Я молча проходилъ межъ горестныхъ могилъ,
Покрытыхъ листьями осенняго убора,
Припоминая съ грустью тѣхъ, кого любилъ.

Но вдругъ иснезли думы, помыслы укора
И быстро отошли ненужныя слова.
Я вздрогнулъ рядомъ у могильнаго забора

Росла весенняя и первая трава.

Сіяли ризы неземныя.
Стоялъ я въ церкви дикъ и грубъ.
Слова безумныя и злыя
Срывались съ неутѣшныхъ губъ.

И ангелъ грустный, ангелъ бѣлый,
Съ изнемогающимъ челомъ,
Стоялъ навѣки онѣмѣлый
И плакалъ надъ моимъ грѣхомъ.

Богу.

Тебѣ смиренно я пою,
Тебя я вижу въ безднахъ ночи:
Сѣдую бороду Твою
И ясно голубыя очи.

Ты создалъ яростныхъ звѣрей,
Необозримые просторы,
Ты средь бушующихъ морей
Поставилъ каменныя горы.

Подъ звуки неумолчныхъ бурь
Вѣка надъ міромъ проходили.
Твои глаза среди лазурь,
Какъ звѣзды ясныя застыли.

Отецъ, мой голосъ слишкомъ слабъ
Передъ твореньемъ исполина,
Но все же я, какъ вѣрный рабъ,
Хочу прославить господина.

Тебѣ смиренно я пою
Тебя я вижу въ безднахъ ночи:
Сѣдую бороду Твою
И ясно голубыя очи.

Христу.

Сегодня Вы слегка усталый
Свершали свой послѣдній путь,
И капли крови ярко алой
Ложились на больную грудь.

Закатъ багрово запоздалый
Казалось не хотѣлъ уснуть,
И крики черни одичалой
Вамъ не давали отдохнуть.

Все было дико и мятежно:
И лики грѣшные убившихъ,
И плачь толпы, и стражи споръ.

А Вы молились слишкомъ нѣжно
За Вашихъ братьевъ согрѣшившихъ
И за тоскующихъ сестеръ.

Сегодня отъ житейскихъ дѣлъ
Мнѣ сдѣлалось невыразимо больно.
Я загрустилъ и, кажется, невольно
На это небо поглядѣлъ.

Блистали звѣзды холодно и строго
Въ своей непостижимой вышинѣ.
Я поглядѣлъ и стало яснымъ мнѣ,
Что истина въ твореньи Бога.

Сандро Боттичелли.

Эти терцины я посвящаю Флоренціи.

1. Нимфа.

Среди оливъ на землю олеандра
Роняла золотистые листы.
И нимфа говорила: „Помнишь, Сандро?“

Онъ ей шепталъ: „скажи мнѣ это ты,
Ты нимфа сѣроглазая изъ лѣса?
Кому несешь ты травы и цвѣты?“

Быть можетъ задремавшая принцесса
Послала быстроногого гонца?
А можетъ нимфа злая сатиресса?

О подожди, не укрывай лица,
Зачѣмъ въ кустахъ ты ускользаешь тая,
И руки прячешь въ жарѣ багрянца?

Проходитъ осень ясно голубая,
И у ручья шаги твои шуршатъ,
Когда идешь ты росы отряхая.“

А нимфа отвѣчала: „Помнишь садъ,
И тополя, желтѣвшіе въ апрѣлѣ,
И розы дикія въ тѣни оградъ?

Ты помнишь нимфу, Сандро Боттичелли?“

2. Рожденіе Венеры.

На ровный холстъ ложились краски кисти.
Густая прядь Венериныхъ волосъ
Лаская становилась золотистѣй.

Сегодня онъ невидимый унесъ
Зарю Тосканы блѣдно золотую
И столько пѣнныхъ флорентійскихъ розъ.

Но кто то постучался въ мастерскую,
Къ нему монахъ невѣдомый вошелъ
И молча руку вытянулъ сухую.

Онъ въ уголь къ Боттичелли подошелъ,
Взглянулъ на нечестивыя картины,
И Сандро кисти выронилъ на полъ.

Онъ разсказалъ о томъ, какъ палладины
Недавно шли къ подножію креста.
Сказалъ ему о косахъ Магдалины,

Омывшей ноги грустнаго Христа.
Сказавъ, взглянулъ онъ въ очи Боттичелли
И мастерская вновь была пуста.

О тихой Пятницѣ монахи пѣли,
И слушалъ Сандро чьи то голоса
И розы видѣлъ монастырскихъ келій.

Кто знаетъ чьи онъ создалъ волоса—
Младой Венеры, вставшей изъ пучины,
Идущей въ пробужденные лѣса,

Иль можетъ косы грустной Магдалины.

3. Благовѣщенье.

Передъ стѣной съ молитвой преклоненный,
Одинъ въ своей прохладной мастерской,
Онъ Благовѣщенье писалъ Мадонны.

Какой глубокой и святой покой
Ей долженъ принести посланникъ Божій
И осѣнить ее своей рукой.

Покорный долго онъ писалъ и что же,
Къ нему пришли изъ оконъ, изъ дверей
Сатиры, на большихъ козловъ похожи,

И фавонята съ рожками звѣрей,
И нимфы—быстроногія газели,
Шептали всѣ „оставь, иди скорѣй

Туда, гдѣ мы играемъ на свирѣли,
Гдѣ даже птицы звонкія поютъ
Лишь о тебѣ, печальный Боттичелли.

Туда, гдѣ задымился вешній прудъ,
Гдѣ клонятся встревоженныя ивы
И вѣтками тебя къ себѣ зовутъ“.

И Боттичелли трепетно пугливый
Нарисовалъ Мадонну не святой,
А дѣвушкой мечтающей, стыдливой,

Что грустно ангелу твердить „постой,
Я не хочу быть праведной Мадонной,
Мнѣ хочется свободной и простой

Въ лѣсу бродить, срывая анемоны“.

4. Саванарола.

Въ толпѣ смѣшались дѣти и сѣдые,
И къ небу убѣгающій костеръ
Съ утра горитъ на Пьяцца Синьоріа.

Саванарола здѣсь. „До коихъ поръ
Терпѣть мы будемъ въ горѣ и въ молчаньи
И папы грѣхъ, и властелиновъ споръ?”

Слѣшите вы, творите покаянье,
Посыпьте пепломъ грѣшную главу,
Падите ницъ въ холщевомъ одѣяньи.

Но кто же тамъ во снѣ иль наяву
У стѣнъ идетъ печальный и покорный,
Не погружая взора въ синеву?

Закутанный въ свой бархатъ черный,
Художникъ шель спокоенъ и одинъ,
Чтобъ на костеръ сложить свой грѣхъ упорный,

Чтобъ обольщенье сжечь своихъ картинъ.
Онъ положилъ. И рамы почернѣли.
Огонь взвился изъ тлѣющихъ глубинъ.

И только нимфа, жившая въ апрѣлѣ,
Успѣла на него взглянуть съ костра
И прошептала „Помнишь Боттичелли?“

Отъ новой груды книгъ и серебра
Взлетѣли къ небу огненные пчелы.
Онъ отошелъ, сказалъ себѣ „пора!“

И застоналъ у ногъ Саванаролы.

Христось.

I.

Пали листьа желтыя каштановъ,
Глубже нетревожный небосклонъ.
И подъ звуки золотыхъ тимпановъ
Близится осенній Рошешонъ.
Въ склады Симеона изъ долины
Свезены созрѣвшіе хлѣба;
Собирають сочныя маслины
Двадцать два выносливыхъ раба.
На пиры торжественнаго брака
Симеонъ гостей къ себѣ зоветъ:
За сосѣда юнаго Исака
Дочь послѣднюю онъ выдаетъ.
Въ защищенныхъ отъ лучей повозкахъ
Гости сѣхались изъ сель и городовъ.
Далеко на пыльных перекресткахъ

Слышенъ ревъ привязанныхъ воловъ.
Девять дней съ утра и до заката
Проливалось крѣпкое вино,
Точно сокъ созрѣвшаго граната
По рукамъ струилося оно.
На десятый день вина не стало.
Гости задремали у маслинъ,
И покрытый влагой пѣнноалой
Не звенѣлъ оставленный кувшинъ.
И напрасно Симеонъ упрямый
Падалъ ницъ, взывая въ тишинѣ,
Бога Исаака, Авраама
Онъ молилъ о сладостномъ винѣ.
И напрасно пришлый изъ Эллады
Жрецъ большого пѣтуха убилъ,
И свершая долгіе обряды
Діониса о винѣ просилъ.
Вечеромъ, откуда неизвѣстно,
По сосѣднимъ проходя путямъ,
Отрокъ видомъ свѣтлый и чудесный
Подошелъ къ пирующимъ гостямъ.
Зачерпнулъ онъ изъ колодца воды,
И войдя въ молитвенный шалашъ,
Молодой, безусый, безбородый
Вынулъ девять -освященныхъ чашъ.
И святое совершилось чудо —
Брызнула багровая струя.
Онъ сказалъ имъ „Пейте изъ сосуда,
Пейте люди, это кровь моя!“
Гости недоувѣрчиво взирали
На пришельца—юнаго Христа,
Но невольно къ чашамъ прижимали
Жадныя и знойныя уста.

Только Эллинь, пришлый чужестранецъ.
Чашу винную къ груди прижалъ,
Танцевалъ какой то дикій танецъ
И языческаго бога звалъ.
Но Христось, предчувствіемъ объятый
Вскинулъ пальцы холодѣвшихъ рукъ:
Онъ предвидѣлъ и ударъ Пилата,
И горячій обагранный лугъ.
Поглядѣвъ отверженно и строго,
Онъ ушелъ туда — въ Іерусалимъ,
И не понялъ греческаго бога,
Жрецъ котораго плясалъ предъ нимъ.

II.

Онъ скорбѣлъ, а небо голубое
Высоко раскинулось надъ нимъ.
Въ странномъ, выжидательномъ покоѣ
Тяжело дремалъ Іерусалимъ.
И когда его закрылись вѣжды,
Пала тѣнь на сѣрыя поля.
Рвали женщины свои одежды
И кричали, Господа моля.
Старый Эллинь, проходившій мимо,
На распятые съ трепетомъ взиралъ:
Въ изгнанномъ царѣ Іерусалима
Онъ былого отрока узналъ.
Молча преклонивъ свои колѣна,
Онъ припалъ къ подножію креста.
Было чудо—золотая пѣна

Омочила Эллина уста.
Долго пилъ онъ радосто и жадно
Кровь, какъ струи переспѣлыхъ лозъ,
И казался гроздю виноградной
Обнаженный, молодой Христось.
Всѣ рыдали—только чужестранецъ
Кровь Христову къ сердцу прижималъ,
Танцевалъ какой то дикій танецъ
И языческаго бога звалъ.

Авіаторъ.

1.

Въ этотъ вечеръ звѣзды замирали
Далеко надъ городомъ дрожа.
Онъ одинъ, исполненный печали,
Отойти не могъ отъ чертежа.
Лунный лучъ зеленовато синій
Отъ оконъ скользнулъ до потолка.
Забѣлѣли въ немъ узоры линій
И сухая тонкая рука.
Въ лунномъ свѣтѣ блѣдень и утончень
На клочекъ бумаги онъ глядитъ,
Хитрый планъ обдуманъ и законченъ,
И стальная птица полетитъ.
Выпущена птица на свободу
И взрѣвая небо, какъ стрѣла,
Шелестя летитъ по небосводу
Подъ глухіе клетоты орла.

По рукамъ работой утомленнымъ
Отъ предчувствій пробѣжала дрожь.
Онъ къ глазамъ сухимъ и воспаленнымъ
Прижимаетъ маленькій чертежъ.
Надъ бумагами склоняясь ниже,
Онъ подъ утро наконецъ уснулъ.
И тихонько шепчетъ „погляди же!“
Спящему унылый Вельзевулъ.
Видитъ онъ спокойныя дороги,
Полныя ликующей толпой,
Тамъ гдѣ раньше холодны и строги
Небеса сіяли надъ землей.
Ни Медвѣдицы, ни Скорпіона
Въ небесахъ не можетъ онъ найти
И дрожить въ предѣлахъ небосклона,
Отыскавъ границы и пути.
Онъ проснулся слабый и усталый.
Звѣзды догорѣли вдаль,
Блескъ зари холодновато алой
Занимался на его рукѣ.
Ночь опять прошла и обманула.
Цѣлый день онъ съ циркулемъ сидитъ.
Пусть правдивы рѣчи Вельзевула,
Но стальная птица полетитъ.

2.

Небо становилось мутно бѣлымъ,
Солнцемъ выжжено, раскалено,
И надъ міромъ знойнымъ, омертвѣлымъ,

Божествомъ казалось оно.
Гордо вились праздничные флаги.
Всѣ сошлись на площади глядѣть
Сколько нужно силы и отваги,
Чтобы это небо одолѣть.
Онъ стоялъ холодный и спокойный
Передъ недоувѣрчивой толпой,
Въ этотъ полдень необычно знойный,
Съ небесами начиная бой.
Зажужжала радостная птица,
И съ далекой башни невидна,
По лазури безпокойно мчится
Отъ лучей и воздуха пьяна.

Въ этотъ день, когда въ дыму пожара
Истомленный вечеръ умиралъ,
Кто то тѣнь злоувѣщую Икара
Сквозь большія окна увидалъ.

3.

Авиаторъ плаваетъ безцѣльно,
Отнимая руку отъ руля,
А подъ нимъ легка и безпредѣльна
Черная раскинулась земля.
Какъ всегда по каменнымъ вершинамъ
Зеленѣютъ лишай и мхи,
И межъ нихъ по тропочкамъ звѣринимъ
Крадутся цѣпляясь пастухи.

Можетъ быть, вернуться къ этимъ селамъ,
Попросить пріюта, чтобы тамъ
Проходить невиннымъ и веселымъ
По давно проложеннымъ тропамъ.
Но опять онъ пристально и жадно
Въ небо неприступное глядитъ:
Пусть земля привольна и отрадна,
Но стальная птица полетитъ.

Поздно ночью, крылья расправляя,
Авиаторъ дрогнулъ и упалъ.
Только коршунъ, мимо пролетая,
Надъ погибшей птицей прокричалъ.

Еврейскому народу,

Народъ ведущій родъ отъ Авраама,
Когда то мощный и большой народъ,
Пахаль ты землю долго и упрямо,
Трудясь надъ нивами изъ года въ годъ.
Ты былъ народомъ юнымъ и веселымъ
Въ своихъ родныхъ и вспаханныхъ поляхъ,
Раскинувшись по плодоноснымъ доламъ,
Въ росой сверкавшихъ пальмовыхъ шатрахъ.
Но недовольный избраннымъ удѣломъ,
Покинувъ пастбища и отчій домъ,
Побрелъ ты нищій по чужимъ предѣламъ
И сдѣлался пришельцомъ и рабомъ.

Всегда униженный, гонимый,
Подъ тяжкимъ бременемъ заботъ,
Ты шествуешь едва терпимый,
Безсильный и больной народъ.
Ты столько выдержалъ позора,
Костровъ, изгнаній и тюрьмы.

Тебя боятся, точно мора,
И сторонятся какъ чумы.
Пришелецъ жалкій и убогій
Ко всѣмъ народамъ ты привыкъ,
Забывши объ еврейскомъ Богѣ
И потерявъ родной языкъ.
Ты больше не взрываешь нивы,
Не стережешь стада овецъ.
Въ своей лавченкѣ боязливый
Ты нынѣ жадный торговецъ.
Старикъ ослѣпшій и злосчастный,
Рожденный нѣкогда въ поляхъ,
Ты умираешь ежечасно
Въ неумолимыхъ городахъ.
Лишенный нивъ, средь душныхъ сводовъ,
Стѣною крѣпкой обнесень,
Рождая немощныхъ уродовъ
Отъ вырождающихся женъ,
Еврей, ты рабъ у всѣхъ народовъ,
Ты парій между всѣхъ племень!

Ты здѣсь ненуженъ; пришлый и гонимый
Сбери своихъ разслабленныхъ дѣтей,
Уйди къ роднымъ полямъ Іерусалима,
Гдѣ счастье зналъ ты въ юности своей.
Увидишь ты покинутыя нивы,
И снова двинешь заржавѣлый плугъ.
Быть можетъ, тамъ подъ вѣтками оливы
Ты отдохнешь отъ долголѣтнихъ мукъ.
И если долженъ ты погибнуть вскорѣ,
Умри не здѣсь, среди чужихъ полей,
А тамъ, гдѣ видѣлъ ты иныя зори,
Гдѣ счастье зналъ ты въ юности своей.

Парижъ.

Тяжелый сумракъ дрогнулъ и растаявъ
Чуть оголилъ фигуры трубъ и крышь.
Подъ четкій стукъ разбуженныхъ трамваевъ
Встрѣчаетъ утро заспанный Парижъ:
И утомленныхъ подымаетъ властно
Грядущій день всесилень и несуть.
Какой то свѣтъ тупой и безучастный
Надъ пробужденнымъ городомъ разлить.
И въ этомъ полусвѣтѣ-полумракѣ
Кидаетъ день свой неизмѣнный зовъ,
Какъ странно всѣмъ, что пьяные гуляки
Еще бредутъ изъ сонныхъ кабаковъ.
Подъ крикъ гудковъ бессмысленно и глухо
Приходитъ новый день—еще одинъ!
И завтра будетъ нищая старуха
Его искать средь мусорныхъ корзинокъ.

А днемъ въ Парижѣ знойно иль туманно,
Фабричный дымъ, торговокъ голоса,

Когда глядишь то далеко и странно,
Что гдѣ то солнце есть и небеса.
Въ садахъ толкаясь въ отупѣвшей грудѣ
Кричатъ младенцы сотней голосовъ,
И женщины высовываютъ груди,
Отвисшія отъ боли и рядовъ,
Стучать машины въ тактъ неторопливо
Въ конторахъ пишутъ тысячи людей,
И часъ за часомъ вяло и лѣнливо
Показываютъ башни площадей.

По вечерамъ, собираясь въ рестораны,
Мужчины ждутъ чтобъ опустилась тьма,
И при лунѣ насыщены и пьяны
Идутъ толпой въ публичные дома.
А въ маленькихъ кафэ и на собраньяхъ
Рабочіе бунтуютъ и поютъ,
Чтобъ завтра утромъ въ ненавистныхъ зданьяхъ
Найти тяжелый и позорный трудъ.

Блуждаетъ ночь по улицамъ тоскливымъ
Я съ ней иду измученный туда,
Гдѣ траурно янтарнымъ переливомъ
Къ себѣ зоветъ пустынная вода.
И до утра надъ Сеною недужной
Я думаю о счастьѣ и о томъ,
Какъ жизнь прошла безслѣдно и ненужно
Въ Парижѣ непонятномъ и чужомъ.

Возвратъ.

Будутъ времена, когда мертвы и слѣпы
Люди позабудутъ солнце и лѣса,
И до небосвода вырастутъ ихъ склепы,
Ѣдимъ дымомъ покрывая небеса.
Будутъ времена, не вѣдая желаній
И включивши страсть въ обычныя дѣла,
Люди станутъ прятать въ траурныя ткани
Руки и лицо, какъ нѣкогда тѣла.

Но тогда, я знаю, совершится чудо,
Люди обезсилятъ въ душныхъ городахъ.
Овладеетъ ими новая причуда
Жить, какъ прадеды, въ болотахъ и въ лѣсахъ.
Увлекутъ ихъ травы, листья и деревья,
Нивы, пастбища, покрытыя травой.
Побредутъ они на древнія кочевья,
Стариковъ и женщинъ увлекутъ съ собой.
Перейдя границы города—заставы,
Издали завидѣвъ первыя поля,

Люди будутъ съ крикомъ припадать на травы
Плакать въ изступленьи и кричать „земля!“

Въ парахъ падая на травяное ложе,
Люди испугаютъ дремлющихъ звѣрей.
Женщины впервые безъ стыдливой дрожи
Станутъ прижимать ликующихъ мужей.
Задыхаясь отъ нахлынувшего смѣха,
Каждый будетъ весель, изступлень и нагъ.
И отвѣтитъ на людскіе крики эхо
Быстро одичавшихъ кошекъ и собакъ

Далеко, почти сливаясь съ небосводомъ,
На поля бросая мутно желтый свѣтъ,
Будетъ еле виденъ по тяжелымъ сводамъ
Города истлѣвшій и сухой скелеть.

